

лись и делаются ошибочные выводы. Весьма распространенным, в частности, является утверждение о том, что Крижанич был якобы «предтечей панславизма» XIX века.

Это ложное мнение вошло в литературу «с легкой руки» П. А. Безсонова, нашедшего в архивах основные труды Крижанича и ставшего первым его биографом. П. А. Безсонов был одним из наиболее пылких славянофилов середины XIX в. и разделял их веру в «богоизбранность России» как оплота грядущего всеславянского царства. Обнаружив в книгах Крижанича призывы к сплочению славян вокруг России, Безсонов с присущей ему восторженностью объявил Крижанича «духовным отцом» своих единомышленников и даже нашел в нем черты сходства с «передовым человеком Руси и славянства» — славянофильствующим мракобесом А. С. Хомяковым.¹⁰²

П. А. Безсонов не остался в одиночестве. Пущенная им версия о прямой духовной связи между взглядами Крижанича и националистическими теориями XIX в. была подхвачена многими реакционными историками и литераторами прошлого столетия. Особенно примечательна в этом отношении книга И. Рогановича,¹⁰³ обнаружившего в сочинениях Крижанича составные части уварской формулы («православие, самодержавие, народность») и до полной неузнаваемости искажившего жизненный путь и содержание деятельности Крижанича. Именно Роганович одним из первых заговорил о «панславизме» Крижанича, вкладывая в этот термин то самое содержание, какое было присуще «панславизму» XIX в., с его политической реакционностью и близостью к захватническим планам русского царизма.

Подобное произвольное толкование взглядов Крижанича было вызвано тем, что его произведения рассматривались вне всякой связи с конкретно-исторической обстановкой его времени. И поэтому те планы политического и культурного возрождения славян, которые были порождены специфическими условиями XVII в., в частности порабощением балканских славян турками и габсбургской империей, рассматривались как проявление некоей абсолютной «панславянской» идеи, сохраняющей свое содержание в любую эпоху.

Конечно, не все авторы, относившие Крижанича к числу «панславистов», трактовали его взгляды столь упрощенно. Известную роль сыграла и терминологическая инерция. Поскольку в научной литературе не существовало специального термина для обозначения ранних проявлений идеи славянского единства, то все эти проявления, и в том числе взгляды Крижанича, принято было называть «панславистскими», объединяя их тем самым в одну рубрику с позднейшими националистическими теориями.¹⁰⁴ И подобное словоупотребление можно встретить даже у тех авторов, которые раскрывали истинное содержание планов Крижанича и противопоставляли эти планы реакционным концепциям славянофилов и «панславистов» XIX в.¹⁰⁵

Представление о Крижаниче как об «отце панславизма», порожденное русскими славянофилами и укрепившееся вследствие терминологической

¹⁰² П. А. Безсонов. Юрий Крижанич... — Православное обозрение, вып. XII, стр. 780.

¹⁰³ И. Роганович. Ю. Крижанич и его философия национализма. Казань, 1899.

¹⁰⁴ Ф. Вольман справедливо указывал, что термин «панславизм» непригоден для обозначения идеи славянской общности, «потому что он обозначает явление, присущее XIX веку, и потому что он приводит к неисторическому представлению о некоем едином течении которого никогда не было и не будет» (Wolman, стр. 3).

¹⁰⁵ Термин «панславизм» применительно к взглядам Крижанича встречается в упомянутых выше работах В. Вальденберга, В. И. Пичеты, З. Неудлы и др.